

Николай Борисович Башмаков

Чеченский порог

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50440079

SelfPub; 2025

Аннотация

Продолжение книги "Деревенский Зорро". Герои вступают во взрослую жизнь и разъезжаются. Маринка учится в Москве в престижном институте. Димка служит в армии, где сталкивается с несправедливостью и дедовщиной. Однако вспыхнувшая в школе любовь не даёт им забыть друг друга. Интрига начинается тогда, когда герой попадает на вторую чеченскую войну. В итоге короткого и жестокого боя в горах, солдаты блокпоста погибают и только Димка получает ранение. Помощь ему приходит с неожиданной стороны...

Содержание

От автора	4
Глава 1	5
Глава 2	41
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Николай Башмаков

Чеченский порог

От автора

"Чеченский порог" – продолжение книги "Деревенский Зорро", вторая книга дилогии "Динозавр из поколения "пепси". Те же герои, закончившие школу и вступившие во взрослую жизнь. Непросто складывается их судьба, но теперь их ведёт по жизни любовь...

Глава 1

– Деда, когда же я вырасту такой большой, как эти дяди?

– Не спеши, внучек, взрослым быть не так уж хорошо, как кажется.

– Да знаю я... взрослая жизнь опасная и скучная...

Поезд торопливо бежал на запад. Вагон, в котором ехали призывники, был прицеплен в конце состава. Его нещадно раскачивало и мотало, но большинство ребят, перезнакомившись и наговорившись вдоволь, не обращали на это внимания. Они крепко спали. Так умеют спать только молодые люди, расслабившись после суматошного дня и отогревшись в тёплом вагоне после нескольких часов ожидания на холодном осеннем ветру.

Не спали только двое парней, которым предстояло дневалить, да Димка Кузнецов. Сон к нему никак не приходил. Он лежал на верхней полке, вспоминал недалёкое прошлое и размышлял. Под стук колёс думалось хорошо. Димка привык к поездкам с детства. Его отец – офицер, и сколько Димка себя помнит, они всегда куда-нибудь ехали: переезжали со старого места службы на новое, ежегодно "убывали в отпуск", частенько, особенно во время заграничных командировок отца, приезжали на побывку к деду с бабушкой. При

тех переездах с ним всегда были родные. На этот раз он едет без родственников, попутчики – совершенно незнакомые пока ребята. Это создавало совсем иной душевный настрой. Прошло всего два дня, как Димка покинул дом, а он уже заскучал. Ему чертовски не хотелось ехать в неизвестность... Ему хотелось домой, в село Большая Гора. Его дом там.

Хотя умом он понимал: делать там сейчас нечего. После того, как село узнало, что под маской Дублёра вытворял проделки выпускник школы Димка Кузнецов, жить ему легче не стало. Односельчане стали относиться к нему настороженно и с недоверием. В русской деревне не очень жалуют людей с "двойным дном", которые способны провести вас, как младенца. Здесь больше признают людей открытых и понятных. Некоторые, особенно пацаны из младших классов, перед ним откровенно заискивали. Остальные просто не знали, как себя с ним вести. С одной стороны, Димка вроде бы остался таким, как и был: добрым, невредным "поэтом". С другой – это гроза местного криминала – Дублёр. И когда он смотрит на тебя, улыбаясь своей ласковой располагающей улыбкой, поди, угадай, что у него в голове. Поэтому лучше держаться от него подальше, соблюдая при встрече все правила приличия.

Даже те, кто был обижен Дублёром и желал свести с ним счёты, делали вид, что зла не держат. После того, как Димка на виду у всей молодёжи села уложил в пыль десантника

Костю Ясноглазова, эти попросту его побаивались.

Но самого Димку не особенно всё это волновало. Чего нельзя было сказать о матери. Он любил мать и перед ней ему было действительно стыдно. Новость о том, что под псевдонимом Дублёр с деревенским криминалом сражался её собственный сынок, подействовала на Екатерину Никифоровну как ушат холодной воды. Конечно, она задала сыну хорошую взбучку, но было видно, как сильно мать испугалась за сына. Испугалась не за прошлое. Испугалась за его будущее. Женским материнским чутьём она почувствовала, сколь непростой может сложиться судьба у младшенького. Коль с молодых лет обнаружилась у него страсть к борьбе за справедливость и проявилась способность быть настолько скрытным, что о его проделках не догадывалась даже родная мать.

Димка почувствовал, как сильно переживает она за него, и его мучила сама мысль, что он доставляет матери огорчения.

Ну, а настоящие его друзья и приятели разъехались. Витка со Светой ещё в сентябре отправились на учёбу в сельскохозяйственную академию. Прочие одноклассники тоже разлетелись. Кто уехал учиться, кто в город – искать работу, а кто, как и он, был призван в армию. Уехала и девчонка, в которую его угораздило влюбиться. Димка слишком часто думал о ней. И чем больше думал, тем сильнее впадал в пессимизм. За два месяца, с момента отъезда, Маринка ни разу не дала о себе знать. Не написала, не позвонила. Он тоже не предпринимал попыток связаться с ней. Зачем? Она учится в МГИМО, и

новая жизнь закрутила её. В том, что у неё новая интересная жизнь, новые друзья, Димка не сомневался. И как, скажите, должна себя вести девчонка по отношению к нему, не сумевшему поступить даже в рядовой институт. Вполне понятно, что она быстро потеряет к нему интерес и забудет его. Так стоит ли простому солдату навязываться девушке, которой предназначено попасть в высшее общество?

Нынешний капитализм разделил людей в России на группы, классы и прочие стада и стаи. И они, как говорится, с Маринкой теперь в разных стаях. И потому, чтобы завоевать её доверие, у него есть только один путь – самому добиться чего-то в этой жизни. Правда, всё это при условии, если и он ей не безразличен.

А пока он на первом этапе самостоятельной жизни. Ему предстоит честно, а иначе в силу своего воспитания он и не сможет, отслужить два года там, куда везёт его поезд.

*

Димка попал в учебную часть. Школу, где из новобранцев готовят младших специалистов инженерных войск. В обиходе все называли её "учебкой". Здесь предстояло учиться шесть месяцев, чтобы изучить азы военной профессии и получить к концу обучения воинское звание "младший сержант". После учебки их должны будут распределить по воинским частям, где собственно и нужно будет отслужить оставшиеся полтора года на должности младшего командира.

Сразу после прибытия молодое пополнение отмыли в ба-

не, переодели и распределили по учебным ротам. С этого момента новобранцы стали именоваться "курсантами".

Дальше потекли серые армейские будни. Сменявшие друг друга дни вчерашним школьникам казались монотонными, однообразными и удивительно длинными. Время от подъёма и до отбоя было расписано по минутам. Личная жизнь для них перестала существовать. Каждый из курсантов постоянно был в поле зрения командиров и своего воинского коллектива, и это угнетало больше, чем физическая усталость. Даже в минуты послеобеденного отдыха и часа личного времени перед вечерней поверкой нет возможности уединиться. Обязательно найдётся сослуживец, которому позарез требуется поговорить.

Только восемь часов сна безраздельно принадлежали каждому из них. При условии, если не было ночной учебной тревоги. Но натопавшимися и набегавшимся за день новобранцам эти часы отдыха казались секундами. Вроде бы только лёг в постель и закрыл глаза, а дневальный уже орёт: "Рота, подъем!!!"

Неудивительно, что курсантам всё время хотелось спать. Особенно клонило в сон во время классных занятий.

А ещё им постоянно хотелось есть. На перемену пищи и большой объем физической нагрузки организм у всех реагировал одинаково. Они набивали в столовой полный желудок, а чувство голода всё равно не исчезало. Курсанты с удивлением смотрели на прослуживших более года сержантов и не

могли взять в толк : как это возможно – не есть суп и нелюбимую кашу "шрапнель", и ограничиваться за обедом котлетой и компотом?

Но были внутренние переживания у новобранцев или их не было, им всё равно с утра до вечера приходилось топтать по плацу, маршировать с песней, преодолевать полосу препятствий, ползать по-пластунски в учебном городке, стрелять и метать гранату на стрельбище, ходить в учебную атаку на тактическом поле, заниматься нелюбимой ещё со времён школы физической подготовкой и делать много такого, чего никогда не придётся выполнять человеку, не служившему в армии.

Для молодых парней, ещё не научившихся ценить приобретённые навыки и всё ещё оценивающих прожитый день с точки зрения полученных развлечений, дни, заполненные непрерывной учёбой и работой, казались потерянными впустую. Это потом, в дальнейшей жизни, придёт к ним осознание того, что пролитый пот, кровавые мозоли и вдолбленные в голову воинские истины не были напрасной тратой сил, времени или "дурацкой задумкой" сержантов и офицеров.

Но осознание это придёт только к тем, кому удастся выжить. А выжить в любой, даже самой маленькой войне больше шансов у того, кто лучше к ней подготовлен.

*

Димка принадлежал к той немногочисленной категории курсантов, которая постигала воинские науки вполне доб-

росовестно. Потому очень скоро в своём взводе он стал одним из лучших. Офицеры и прапорщики часто отмечали его усердие и приводили в пример. Благодаря этому обстоятельству, а так же независимому поведению, иногда граничащему с дерзостью, он быстро нажил себе врагов. Они сформировались из среды сослуживцев-завистников, относящихся к службе как к обузе, и сержантов.

Первые, пытаясь оправдать своё неумение и откровенную тупость на занятиях, хорохорились и прикрывали свою немощь равнодушной маской: "я всё могу, но не хочу..." Они чаще всего и допекали любого, у кого намечались успехи в службе. "Что... тебе больше других надо?", "Брось потеть, всё равно это тебе никогда не пригодится...", "Что ты из кожи лезешь? Выслужиться хочешь?" – вот далеко не полный перечень их доводов, и всё для того, чтобы не обременять себя любимого службой "как надо" и прикрыть отсутствие даже минимальных навыков и качеств, присущих настоящим мужчинам.

Вторые сами совсем недавно прошли всё, что полагается новобранцу, получили воинское звание, а вместе с ним пусть небольшую, но власть над людьми. Сейчас они упивались этой властью и "отыгрывались" за унижения, которые когда-то им пришлось испытать самим. Любая попытка подчинённых проявить независимость и инакомыслие расценивалась ими как "преступление". Виновный должен был быть немедленно наказан, чтобы другим неповадно было, а если

он ещё проявлял и упорство, его нужно было сломать. Собственно в этом и заключается один из законов "дедовщины", привнесённый в армию из уголовной среды.

Воинские уставы, требующие беспрекословного выполнения приказов, для командиров, страдающих отсутствием чести и совести, – прекрасная ширма. За ней почти безнаказанно можно творить беззаконие. Именно поэтому проблема искоренения "дедовщины" лежит не столько в плоскости жёсткого контроля "сверху донизу", сколько в моральном и нравственном здоровье людей, приходящих на службу в армию.

А время бежало вперёд. Остался позади курс молодого бойца. Новобранцы постепенно привыкали к новым условиям. Они научились оценивать приказы и распоряжения командиров и стали понимать, что не все эти приказы обусловлены требованиями службы. Димка одним из первых почувствовал на себе давление и откровенную несправедливость со стороны сержантов роты.

Про неуставные взаимоотношения, в просторечье называемые "дедовщиной", он знал ещё с тех времён, когда пацаном ходил к отцу в часть. Но то, что он увидел в этой учебке, удивило даже его...

В душе он понимал, что сваливать всю вину "за дедовщину" на офицеров могут только невежи и правозащитники-популисты. Армия – это часть общества, и если в обществе держат верх криминальные законы, здоровой армия

быть не может. И всё же от конкретной работы офицерского состава в части и в подразделениях зависело многое.

В девяностые годы, особенно после первой войны в Чечне, у молодых людей сформировался исключительно отрицательный образ современного русского офицера. Но новобранцы быстро подметили разницу между офицерами. Не все среди них были бездельниками и людьми, потерявшими веру в необходимость и полезность ратного труда. Некоторые служили вполне добросовестно. Эти и в военное училище шли сознательно, чтобы, окончив его, служить до старости. Таким офицером был командир соседней роты капитан Тоторин. Выходцу из бедной сельской семьи и в армии жилось непросто. Жена – без работы, двое маленьких детей, попробуй прожить на одну небольшую зарплату, если нет помощи со стороны родных. Молва утверждала, что Тоторин тайком подрабатывает по ночам в частной фирме. Однако двойная нагрузка отражалась на здоровье офицера, но не на его службе. Капитан уверенно командовал ротой, пользовался у подчинённых авторитетом, и в его подразделении был относительный порядок.

Были среди офицеров и иные. Из тех, кого вполне обеспеченные родители отправили в военное училище почти что насильно. Намучившись с отпрыском на гражданке, они тешили себя мыслью: армия перевоспитает, исправит сына и удержит его от дурных привычек.

Эти, окончив училище, отбывали в армии номер. Зар-

плата и щедрая финансовая подпитка со стороны родителей вполне позволяли им бездельничать и прожигать жизнь в своё удовольствие под благородным предлогом служения Отечеству. Однако пользы Отечеству от такого "служения" было мало. Назвать офицерами этих служаков можно было лишь условно. Главная цель у подобных "людей в погонах": дождаться очередного повышения в должности и звании. А для этого порой достаточно уметь держать нос по ветру, вовремя угодить начальству и своевременно пустить ему пыль в глаза, доказывая своё рвение и преданность. Подчинённые, и в первую очередь солдаты, рассматривались ими как неизбежная помеха, способная лишь помешать личной жизни. Поэтому вся работа с подчинёнными сводилась к раздаче указаний, контроль за выполнением которых такие командиры полностью перекладывали на плечи младших командиров.

К таким офицерам относился командир курсантской роты, в которой учился Димка, капитан Фоменко. В службе он не напрягался и попросту отдал подразделение сержантам. Офицеры и прапорщики роты появлялись в казарме лишь во время занятий и проведения каких-либо общих мероприятий. В остальное время хозяином в роте был сержант.

Капитан Герман Фоменко подобрал коллектив сержантов из земляков-москвичей. Подробно раскрывать законы землячества нет нужды. Но о землячестве москвичей нужно сказать особо.

В армии во все времена москвичей недолюбливали. За их заносчивость, высокомерие, снобизм. "Я из столицы. А ты откуда? Из Тмутаракани?" Этому есть вполне логичное объяснение. Мегаполис портит людей с детства. В столице всегда существует более сильное расслоение общества, чем на периферии. Любой ребёнок из простой семьи (а именно из таких семей, прежде всего, идут ребята в армию) с раннего возраста видит высокомерие, заносчивость и презрительное отношение отпрысков элиты к выходцам из низших слоёв. Видит он разницу и в материальном положении. Под воздействием этих наблюдений у него формируется комплекс обид, неудовлетворённость своим положением и озлобленность.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что, попадая в воинский коллектив, многие из москвичей вольно или невольно начинают вести себя по отношению к ребятам из глубинки как к "низшему" сословию. Столичное происхождение рассматривается ими как принадлежность к высшему обществу. В результате комплекс накопленных обид выплёскивается на ни в чём не повинных ребят с периферии.

Ещё хуже обстоит дело, если столичный снобизм подкрепляется властью. Любой солдат виноват перед сержантом-москвичом уже тем, что его угораздило родиться за пределами МКАДа. И наоборот, даже если ты полное ничтожество, будешь жить беспечально, если сержант-москвич твой земляк.

В учебной роте капитана Фоменко, в которую неблаго-

склонная фортуна определила нашего героя, верховодили москвичи.

*

С первых дней пребывания в учебке Димка подружился с уральским пареньком Толиком Кашиным.

Курносый, светловолосый, коренастый и крепкий – вот первое Димкино впечатление в момент их знакомства в гарнизонной бане, где им пришлось смывать "гражданскую грязь и цивильные грехи".

Толик оказался физически развитым, расторопным и сообразительным хлопцем, но главная особенность его характера не позволяла ему быть в числе лидеров. Он был на удивление добрым. Добрым по отношению ко всем. Именно про таких говорят: "Он и мухи не обидит".

Его простота, прямота и нежелание с кем-либо конфликтовать истолковывались окружающими как безволие и слабохарактерность. Поэтому на его добрые порывы эгоистичные сослуживцы отвечали чаще всего насмешками и оскорблениями, на которые Толик, казалось, совершенно не обижался. Только познакомившись с ним поближе, Димка увидел, как сильно переживает тот любую несправедливость. Для деревенского паренька, выросшего в доброжелательной среде, был противоестественным сам факт, когда человек на доброту отвечал грубостью и оскорблением.

Но всё это было у парня глубоко в душе. Внешне Толик своего недовольства ничем не проявлял. Наоборот, на

любую грубость он выказывал доброжелательность, а любую конфликтную ситуацию всегда стремился погасить какой-нибудь шуткой или поговоркой. Об этой его особенности нужно сказать особо.

Толик к месту, а иногда и не к месту, сыпал пословицами, прибаутками и поговорками. Подобной "болезнью" страдал учитель труда в их сельской школе. Память у Толика была цепкой, и он не просто перенял весь "репертуар", но и значительно превзошёл своего учителя. Он дословно запомнил любые услышанные или прочитанные поговорки, пословицы, прибаутки, типовые шутки и в подходящей ситуации вставлял их в свою речь.

Всё это способствовало тому, что очень скоро в казарме к Толику стали относиться как к шуту. Его обижали все, он не обижал никого. Ну, разве что намёком или ехидной репликой. Но на шутов за это не обижаются.

Он и прозвище, почти обязательный атрибут в любом мужском коллективе, получил соответствующее. На первом же построении, когда спросили его фамилию, Толик заволновался и заикаясь произнёс: "курсант Ка... Кашин!" За что моментально стал именоваться "Какашиным", а в дальнейшем ещё проще "Какашей".

Только те, кто относился к курсанту Кашину по-доброму, звали его просто по имени.

Димка был один из немногих, кто за доброту платил пареньку добром, но и относился к нему с уважением. Поэтому

очень скоро они стали настоящими друзьями. Ребята учились в одном отделении, спали на соседних койках, у них была общая тумбочка. Они часто беседовали по душам и помогали друг другу. Неудивительно, что первый серьёзный конфликт у Димки произошёл, когда он вступился за Толика.

*

Фактическим вожаком в сержантской "стае" был заместитель командира взвода сержант Рябов.

Крупный, на полголовы выше Димки, рыхловатый и флегматичный он внушал "уважение" новобранцам не столько силой, сколько массой своего тела и злобным характером. Его побаивались все, даже заместители командиров других взводов, которые по рангу были наравне с ним. Рябов – основная опора старшины роты и самого ротного.

Для курсантов Рябов был опасен не только тем, что мог, как и другие сержанты, за любую провинность объявить наряд, заставить шестерить или выполнять дурацкие "приказанья", чтобы посмешить "дедушек". Он мог дать в зубы и даже поколотить так, чтобы после этого не оставалось синяков. Особенно любил он покуражиться в комнате для курения, проще говоря, в курилке. Поиздеваться над "сосунками" на виду у многочисленных зрителей считалось особым шиком. Это подчёркивало: "я в казарме хозяин и никого и ничего не боюсь..."

Когда Толика "пригласили" в курилку, Димка пошёл с другом.

Толика заложил Лизуля. Хиленькому Шурику Лизулину повезло уродиться москвичом, потому он входил в сержантское землячество. Однако природных данных и личных качеств его хватало лишь на то, чтобы шестерить в ротной "элите", да регулярно "закладывать" сослуживцев, "нарушающих" установленный в подразделении порядок.

Допрос и суд над Толиком производился в лучших традициях казарменной дедовщины. Его вполне можно было зафиксировать в форме стенограммы. В роли следователя, прокурора и судьи выступал сержант Рябов.

– Ну, Какаша, расскажи нам, что ты говорил обо мне сегодня в столовой?

Толик делает удивлённое лицо.

– Я?! Про вас, товарищ сержант, я ничего не говорил...

– А про кого говорил? Кого ты обозвал холуём?

– Холуём я никого не называл... Сказал только Лизуле поговорку...

– И что ты сказал? Повтори.

– Ну... сказал: за медный пятак и этак, и так, а уж за полтину – дугою спину...

– А ты знаешь, что Лизуля мой друг?

– Знаю...

– Вот, чтобы ты про моих друзей не распускал язык, прими упор и отожмись двадцать раз... Лизуля, считай.

Толик безропотно принимает упор лёжа и начинает отжиматься. Лизулин считает. Присутствующие хихикают. Дим-

ка смотрит без тени улыбки и ждёт, что будет дальше. Толик заканчивает упражнение, допрос продолжается.

– Ну, а кого ты вчера на поверке назвал ослом? Что ты сказал про старшину?

– Осёл и в Киеве конём не станет..., но это не про старшину... – с робостью выдавливает признание Толик.

– О-о-о! Это оскорбление старшего прапорщика. За это нужно наказывать.

Рябов хватает Толика за грудки, подтягивает к себе и щёлкает "подсудимого" по лбу. Публика снова хихикает.

– Ну, что скажешь, повесели нас ещё какой-нибудь поговоркой.

Толик исподлобья смотрит на мучителя.

– Где умному горе, там глупому веселье...

– Опять ты неправ. Теперь ты оскорбил всех нас. По-твоему получается, что мы все дураки, а ты один – умный.

Рябов ещё раз, уже сильнее, щёлкает Толика по лбу. Эта "игра" его забавляет.

– Ну, а теперь доложи, кого ты обозвал уродом?

– Никого..., я просто так... вообще сказал...

– Ну, и что ты сказал? Повтори.

– Пословицу сказал: "В хорошей природе – не без уroda, а в худой – не без выродка".

– Лизуля, доложи, кого он имел в виду?

– Разговор перед этим шёл о вас, товарищ сержант.

– Слышал? Ты меня сильно обидел, а обиду я никому не

прощаю.

Рябов снова берет Толика за грудки, но вместо щелбана открытой ладонью бьёт его по уху. Звук от удара очень смачный. Ухо Толика на глазах краснеет. Публика ржёт от восторга. Рябов доволен. Он обводит взглядом курилку и натывается на хмурое лицо.

– Кузнецов, а ты что не смеёшься? Тебе невесело?

Смех утихает. Димка отвечает спокойно, лишь желваки слегка его выдают.

– Над тем, что вы делаете, смеяться нельзя.

– Что, жалко Какашу? Тогда плачь... Или тебе для этого тоже нужно по уху врезать?

В курилке раздаётся привычное гы-гы-гы. Димка, сжав губы, молчит, а Рябов, уже без всякой улыбки, переключается на него.

– Ну, объясни, почему над тем, что я делаю, нельзя смеяться?

– Потому, что вы издеваетесь над подчинённым и бьёте его, а за это статья уголовного кодекса предусматривает наказание с лишением свободы... Причём на более длительный срок, чем служба в армии.

Лицо у Рябова вытягивается и сереет.

– Ты что, заложить меня хочешь?

– Во-первых, не заложить, а согласно уставу доложить по команде. А во-вторых, это не обязательно могу сделать я. Свидетелей полная курилка.

Глаза у Рябова загораются, как у японского самурая перед решающей битвой. Он готов голыми руками задушить эту "смятку". Но последняя фраза действует отрезвляюще. Свидетелей и на самом деле с избытком. Сержант делает вид, что успокоился, и оставляет за собой последнее слово.

– Видели, – показывает он пальцем на Димку, – у нас объявился свой доморощенный правозащитник! Трепещите..., не пугайте и даже не чихайте, иначе он тут же "согласно уставу" доложит...

Он обводит всех взглядом и вдруг злобно рявкает:

– Хватит, повеселились, а ну... разошлись!

С этого момента у Димки кроме недругов появился смертельный враг.

*

Лозунг "Армия должна быть вне политики" придуман для вполне конкретной цели. Политически безграмотным человеком легче управлять, с ним можно проделывать любые махинации. Солдат не обязан размышлять и задумываться над тем, что он в данный конкретный момент защищает: Родину, свой народ или богатство нуворишей. Только солдафон, умеющий лишь слепо повиноваться командирам, способен открыть огонь, если перед дулом его автомата родная мать.

Пример омоновцев, избивающих стариков, а ещё более жестоко – молодых ребят, вышедших на демонстрацию протеста против нищеты и несправедливости, как нельзя лучше показывает, какую профессиональную армию мечтают иметь власть

имущие.

Для подготовки безропотного и покорного солдата в Российской армии в девяностые годы вместо института политработников был введён институт воспитателей. Думается, принципиальная разница между этими институтами понятна любому грамотному человеку.

Политработники стремились дать солдату азы политической грамоты, чтобы солдат осознанно защищал Родину и свой народ.

Задача воспитателей противоположна. Их обязанность: деполитизировать прибывающий на воинскую службу контингент, сделать его послушным орудием в руках командиров, чтобы солдат в любой момент был готов защитить интересы той части населения, в чьих руках не только национальные богатства, но и власть.

Однако совсем оставить военнослужащего "вне политики" пока не получалось. Мешали придуманные на Западе "Права человека".

Одним из таких прав являлось право участвовать в выборах. Право это можно считать чисто символическим, так как в условиях Российской армии "Закон о выборах..." работал только в одну сторону. В сторону действующей власти.

Курсантам предстояло участвовать в выборах губернатора области. Кандидатов на этот пост было два. Первый – от партии власти. Второй – от оппозиции.

Димка, как и абсолютное большинство курсантов, прини-

мал участие в выборах впервые. Теоретически он знал, как они должны проходить. На практике всё обстояло по-другому, и день этот закончился новой стычкой с сержантом Рябовым.

Выборный процесс в армии был примитивнее, чем на гражданке. Подготовкой к выборам занимался заместитель начальника школы по воспитательной работе. Он собрал командный состав и тщательно его проинструктировал. Командиры, в свою очередь, разъяснили "требования командования" офицерам и прапорщикам. Офицеры и прапорщики объяснили всё сержантам. В конце "была проведена работа" с курсантами.

На вечерней поверке старшина просто и доходчиво объявил: "Товарищи курсанты, мы все как один, обязаны проголосовать за действующего губернатора. Когда кто-то робко пискнул что-то про демократию, старшина "дал пояснение для дубов": если хоть один человек проголосует за кандидата от оппозиции, увольнения в город всей роте не видать до окончания учебки. Больше "глупых" вопросов никто не задавал.

Когда укладывались спать, Толик тихонько принялся ворчать:

– Зачем тогда выборы проводят? Только деньги зря переводят. Я, может, не хочу голосовать за этого толстячка. Он бедный так исхудал, что поперёк толще.

Действующий губернатор и впрямь отъел лицо, с боль-

шим трудом умещавшееся в стандартный экран телевизора. Видимо, поэтому телевизионщики старались не показывать его крупным планом. А впрочем, может быть, просто не хотели, лишний раз высвечивать его бегающие блудливые глазки.

Димка усмехнулся и нравоучительным тоном поучил товарища уму разуму.

– Толик, голосование тайное. Там будет кабинка..., зайдешь в неё и ставь галочку против кого хочешь.

– Но ведь когда будут считать бюллетени, узнают, что кто-то проголосовал против, и лишат всех увольнения.

Димка поморщился. Его удивляла наивность друга.

– Да блеф всё это. Кроме нас голосуют офицеры, их семьи. Неужели ты думаешь, что они тоже боятся остаться без увольнения?

– Ну, их можно запугать другим способом...

– Даже если и так..., бюллетени будут в одной урне. Поди, разбери, где чей.

Однако, чтобы оценить действительность, жизненного опыта курсанту Кузнецову не хватило. Контроль во время голосования курсантов был на удивление примитивным и потому очень действенным.

К избирательному участку роту привели строем. В помещение входили по отделениям, во главе с сержантом. Перед входом сержант Рябов предупредил:

– В кабинку можете входить, но перед тем, как опустить

бюллетень в урну, показывать его мне!

Димка был изумлён и сделал попытку возразить, но Рябов поднёс к его носу кулак.

– А тебя, Кузнецов, предупреждаю персонально! Поставишь галочку не там, где надо, отделаю так, что мать родная не узнает!

Запахло конфликтом, и Толик постарался погасить его в зародыше.

– Ребята! – дурачась, закричал он так, чтобы слышала вся рота. – Голосуем все за кандидата приятной наружности – семь вёрст в округности!

Курсанты засмеялись. На лице Рябова появилась кривая усмешка.

– То-то же! И попробуйте только проголосовать за худого! Димка спорить не стал, но его заело. Когда подошла очередь, он громко спросил у женщины, выдававшей бюллетени:

– Скажите, а я имею право зайти в кабинку и проголосовать в ней так, как хочу?

– Конечно, – удивлённо ответила та, – для этого кабинки и поставлены, чтобы каждый мог проголосовать тайно.

Димка зашёл в кабинку. Его примеру никто не последовал. Курсанты торопливо ставили галочки, показывали бюллетень Рябову и опускали в урну. Один из парней разволновался и поставил галочку не там, "где надо". Рябов заставил сделать отметку и против другого кандидата. Бюллетень

с двумя галочками будет признан недействительным, но голоса "против" уже не будет.

Димка пошёл на принцип. Он вышел из кабинки и опустил бюллетень в урну, оставив свой выбор в тайне.

*

Наказание последовало в этот же вечер. Неясно, правда, было, кто кого наказал. Вечерняя поверка прошла спокойно, и курсанты улеглись спать. Димка успел даже заснуть, но его растормошил Лизулин.

– Кузнец! Тебя Рябов в курилку зовёт.

Лизулик сопровождал Димку до комнаты для курения и остался на стрёме. Рябов из прошлой стычки сделал выводы. На этот раз в помещении никого не было. Лишь возле двери, ведущей в умывальник, стоял и курил его лучший друг, сержант Крюков.

Если бы Рябов уродился не в столице, а в русском селе Большая Гора, он, вполне вероятно, поостерегся бы в одиночку наказывать курсанта, совсем недавно считавшегося грозой деревенских преступников. Но сержант ничего не знал о прошлом своих подчинённых. Его в принципе не интересовали эти "амёбы с периферии". В его задачу не входило "воспитывать быдло". Его поставили "смотрящим", и нужно всего-то держать "этих недоумков" в узде, чтобы не нарушали заведённый порядок.

Эта самонадеянность и чувство вседозволенности в этот вечер сыграли с ним дурную шутку.

Рябов не стал терять попусту своё драгоценное время и сразу приступил к делу. Он подошёл вплотную к Димке и злобно прошипел:

– Ну что, сопляк, мои приказания тебе не закон? Решил в армии своим умом жить? Не хочешь подчиняться, буду бить тебя, пока не искалечу!

Он резко ткнул Димку кулаком в грудь. Удар был приличный, курсант отлетел к стене, чудом зацепился за неё и не упал.

Рябов медленно пошёл на него, намереваясь продолжить начатое. Сержант Крюков заёрзал в предвкушении зрелища. Однако избиение быка тореадором не состоялось.

Димка отскочил на середину комнаты и со злостью выкрикнул:

– У тебя нет права даже пальцем трогать подчинённого!

– Ах ты, говнюк! Опять о правах заговорил! У тебя тут только одно право – с утра до вечера исполнять мои приказы!.. – с этими словами Рябов снова с размаху попытался нанести удар по курсанту, однако на этот раз его кулак чиркнул по воздуху.

Димка ловко ушёл от удара и отскочил на безопасное расстояние.

– У меня тоже нет права бить командира, но предупреждаю: ещё раз махнёшь, дам сдачи!..

Изумлению сержанта не было предела.

– Ты, салага, мне угрожаешь?! Ах ты, клоп деревенский,

да я тебя!..

Он снова наскочил на строптивного подчинённого. На этот раз его удар частично достиг цели. Димка удар в плечо удержал, резко ушёл в сторону и сбоку врезал Рябову по уху.

Сержант взбесился до такой степени, что закричал по-звериному:

– Убью!.., – далее последовал каскад слов совершенно нелитературного характера. Он подскочил к сопернику, пару раз ударил воздух правой рукой, ещё раз врезал по воздуху левой... Потом пнул всё тот же воздух ногой... Комната для курения была просторной. Сержант флегматичен и неповоротлив. Его соперник, напротив, обладал прекрасной реакцией. Потому до поры до времени и страдал ни в чем не повинный воздух.

Но долго так продолжаться не могло. И когда один из ударов Рябова снова достиг цели, Димка не стал искушать судьбу и врезал противнику в солнечное сплетение.

Рябов задохнулся от боли и замер в позе чучела птицы с раздвинутыми в стороны руками-крыльями. Его соперник был не намерен играть в благородство, и сбил сержанта одновременным ударом рукой по шее и подножкой. Тот кулём свалился на пол.

Жертва сержантского произвола на глазах превратилась в орудие возмездия. Изумлённый до глубины души сержант Крюков отмер и кинулся на помощь другу. Он довольно сильно пнул ногой Димке в бедро, но восстановить "справед-

ливость" ему не удалось. Жертва от боли тоже озверела и так врезала нападавшему, что тот спиной вперёд отправился в умывальник, где, пролетев через дверь, не совсем благополучно приземлился.

Тем временем Рябов от затеи наказать курсанта не отказался и начал предпринимать попытки, чтобы встать.

– Ну, сволочь, я тебя урою! Я тебе это обещаю!..

Обозлённый Димка схватил его левой рукой за волосы, правой снова ткнул чуть ниже диафрагмы.

– Это я тебе обещаю!.. Ещё раз тронешь кого-нибудь пальцем и вместо дембеля уедешь в тюрьму!

В это время в комнату для курения заскочил дежурный по части. Он обходил подразделения с ночной проверкой. Такое иногда тоже случается, если на дежурстве добросовестный офицер. Услыхав крики, майор не дослушал рапорт дежурного по роте младшего сержанта Ефимова, о том, что "происшествий не случилось", и напрямик ринулся в курилку.

– Прекратить драку!!! Иначе я вас всех сейчас на губу!..

Димка изобразил крайнее удивление:

– А кто дерётся, товарищ майор? Я показывал товарищу сержанту приёмы самбо. У него очень плохо... с приёмами. По физю может двойку получить...

Майор недоверчиво посмотрел на сидящего на полу сержанта.

– Что скажешь, Рябов?

Рябов понимал: как ни крути, скандал не в его пользу.

– Так оно и есть, – глухо пробурчал он, – мы боролись...
– Бороться надо на занятиях, а не ночью в курилке!..
– Я говорил товарищу сержанту, – скромно подпел Димка, – лучше всего сражаться в спортзале, на матах... Но он меня не послушал.

– Марш спать! И если что, всех отправлю на губу! Спортсмены, мать вашу!..

Участники "соревнований" молча побрели к кроватям. Только Рябов негромко сквозь зубы процедил:

– Ну, урод, держись. До дембеля ты не доживёшь. Увезут тебя домой в цинке...

Слова его оказались пророческими.

*

В последующие дни наступило затишье, какое бывает обычно перед бурей. Сержанты никого не трогали. Курсанты ходили на занятия. Теперь их больше обучали по специальности. И к занятиям этим проявляли интерес даже те, для кого воинская служба была лишь обузой.

Димке особенно нравились занятия по минно-взрывному и подрывному делу. Может, сказалось влияние отца, который досконально освоил профессию сапёра. А доверие сына к отцу даже во времена подросткового максимализма было очень высоким. Это не часто встречается в современных семьях. Может, виновницей этому была его страсть к познанию нового. Он с интересом изучал механизмы взрывателей, устройство запалов, противопехотных и противотанко-

вых мин, мин сюрпризов, специальных мин и мин, устанавливаемых дистанционным способом. В него не надо было вколачивать эти знания. Даже в редкие минуты свободного времени брал в руки книгу и старательно изучал материальную базу сапёра. Этим курсант Кузнецов отличался от своих товарищей, которые откровенно посмеивались над ним и посвящали свободное время перекурам, беседам о женщинах, о выпивке, о попсе и прочих недоступных в казарме развлечениях.

Командиры и преподаватели хвалили курсанта Кузнецова теперь не только за усердие, но и за реальные глубокие знания по специальным предметам. Димка в душе даже немного заважничал. Правда, длилось это недолго. До тех пор, пока на его любимом предмете с ним не случился прокол, после которого стало понятно, что его познания выглядят солидно только на фоне полностью безграмотных в военном отношении новобранцев.

Дело было так. После изучения теоретического курса их повели на практические занятия по подрывному делу. Они учились изготавливать зажигательные трубки и здесь же в учебном городке поджигали их. Детонаторы взрывались, как настоящие заряды. И хотя руки у пацанов дрожали от страха, "подрывать самому" было интересно.

В самый разгар занятий на учебную площадку прибыл командир части полковник Матюшин. Матюшин был старшим в части не только по должности, но и по возрасту. Один из

тех, кто прошёл все ступеньки от лейтенанта до полковника не в тиши кабинетов, а на практике. За его плечами была служба в семи военных округах и война в Афганистане.

Несмотря на образование и опыт, Матюшину не удалось выйти в генералы. В генералитете потребны, мягко говоря, люди с характером дипломатов. Предназначение таких, как Матюшин, – тянуть ляжку. И что бы там ни говорили, а костяк любой боеспособной армии составляют такие вот офицеры-практики.

После доклада преподавателя командир изъявил желание побеседовать с курсантами. Цель была проста: выявить уровень их знаний. Полковник начал беседу с традиционного вопроса:

– Ну, как служится, парни?

Кто-то из курсантов пробурчал: "Нормально, товарищ полковник...", а Толик Кашин не мог удержаться, чтобы не выдать очередную "домашнюю заготовку":

– Раз призвали – мы не тужим, честно Родине послужим!..

Командир похвалил его за оптимизм и начал опрос по теме занятий. Курсанты отвечали вполне прилично. Каждый знал, что и в какой последовательности нужно делать, чтобы изготовить зажигательную трубку. Полковник копнул глубже. На вопрос об устройстве капсюля-детонатора сумел ответить лишь Димка. На следующем вопросе: "Чем отличаются и какими свойствами обладают входящие в капсюль-детонатор тэн, тэнерес и азид свинца?" – поплыл и он.

Однако командира заинтересовал сообразительный паренёк. Полковник решил провести на нем показательный урок:

– Вижу, кое-какое понятие вы имеете, но имейте в виду, этот предмет нужно знать только на "отлично", иначе ты не сапёр!

– Сапёр ошибается только один раз! – не мог остаться в стороне Толик Кашин.

– Вот именно, сынок. Будешь плохо знать специальность, ошибёшься раньше, чем рассчитывал...

Командир снова переключил внимание с Толика на Димку и определил ему новое задание:

– Кузнецов, доложи-ка нам меры безопасности при проведении подрывных работ.

Димка напряг память и принялся своими словами пересказывать то, что запомнил. Полковник добросовестно слушал минуты две, после чего остановил его:

– Достаточно!

Он взял у преподавателя "Руководство по подрывному делу" и дал книгу в руки Димке.

– А теперь послушай, как надо докладывать по данному вопросу. Следи по книге, чтобы я не ошибся.

После этого он слово в слово изложил несколько первых параграфов. Когда закончил, снова обратился с вопросом к Димке:

– Ну, Кузнецов, какую оценку ты мне ставишь?

– Оценку "отлично", товарищ полковник, – пробурчал

уязвлённый курсант.

– А какую оценку заслуживаешь ты?

– Двойку! – жизнерадостно изрёк за него лучший друг Толик.

– Правильно. Меры безопасности нужно знать наизусть...

И докладывать без единой запинки.

Димке было неприятно, что предстал перед командиром неучем, но он не мог удержаться от естественного, с точки зрения гражданского человека, вопроса:

– Товарищ полковник, а зачем учить меры безопасности наизусть? Это же не стихи!..

– Вот потому и надо учить, что не стихи. Стихи пишутся Поэтом, а меры безопасности написаны Войной. Пишутся они кровью... Каждое слово, каждая строчка оплачены жизнью людей. Забудешь маленький пунктик – и можешь в столь юном возрасте оказаться в числе покойников.

Полковник обвёл взглядом притихших курсантов.

– Вы должны понять, что я не придираюсь. Дай Бог, чтобы никогда вы не увидели войны. Но если придётся, имейте в виду, сапёр, плохо освоивший свою специальность, на войне долго не живёт!..

После такого заключения командир разрешил преподавателю продолжать занятие и не спеша направился в сторону своего "Узика". Преподаватель объявил перерыв. Курсанты по горячим следам обсудили это посещение и через день другой про него забыли. Все, кроме Димки. Он считал себя

во взводе самым подготовленным, и ему было досадно, что командир выбрал мальчиком для битья именно его. Его самолюбие было ущемлено, и гордый паренёк поставил себе цель: изучить на "отлично" не только меры безопасности, но и всю материально-техническую базу сапёра.

Однако, как сказал бы лучший друг Толик: "Человек предполагает, а Бог располагает!" В процессе обучения у него приключился вынужденный перерыв.

В ночь, когда рота почти в полном составе заступила в наряд, Димке выпало быть дневальным по роте, и сержанты устроили ему тёмную. Во время двухчасового отдыха они накинули на спящего курсанта одеяло и били и пинали его до тех пор, пока он не прекратил сопротивление и не затих. После чего, пригрозив наряду, разбежались по объектам, где несли службу. Однако второй дневальный оказался парнем смелым, угроз не испугался и вызвал дежурного по части. ЧП получило огласку. Димку унесли в санчасть, где вызванный по тревоге врач привёл его в чувство.

*

Димку не повезли в госпиталь, а оставили в санчасти. К счастью, серьёзных повреждений и увечий у него обнаружено не было. Однако сотрясение мозга и сильные ушибы были зафиксированы.

Он пролежал в отдельной палате несколько дней и потихоньку начал поправляться. В глубине души парень был рад, что его не беспокоили, хотя это казалось ему странным. Его

зверски избили, а вокруг тишь и гладь... Врач части относится к нему так, как будто пациент лежит с обычным насморком. Никаких дознавателей, следователей, как показывают в кинофильмах, не было и в помине. Сослуживцев к нему не пускали. Невольно напрашивался вывод: командование факт избиения стремится скрыть. И это было обидно.

Его подозрения подтвердились, когда в палату пожаловал командир роты капитан Фоменко. Он принёс коробку конфет, пакет с фруктами и "привет" от личного состава роты. Лицо капитана излучало доброжелательность.

– Ну, как ты..., оклемался?..

– Всё нормально. На живом всё зарастёт...

Димка отвёл глаза. У него не было желания беседовать с ротным. Его глодала обида.

– Молодец, что не пал духом! Ты это..., Кузнецов..., – как-то не очень уверенно, видимо оттого, что ему никогда не приходилось упрашивать подчинённого, заговорил Фоменко. – Постарайся не делать из этой драки поспешных выводов... Они, в принципе, нормальные парни... Ошиблись..., с кем не бывает по молодости?..

Димка враз разволновался:

– Ошиблись?! Нормальные?! Вы, товарищ капитан, всё время твердите: плох тот солдат, что не может постоять за себя... Я способен постоять за себя! Но когда человек спит, он беззащитен, как младенец. Какие же они нормальные? Только подонки могут избивать толпой беззащитного. Их надо

судить! Чтобы другим неповадно было!

– Я понимаю твоё состояние... Они действительно поступили, как подонки. Но они не преступники! Они такие же солдаты, как и ты. У них есть отцы, матери..., и если ты их посадишь, то испортишь им всю жизнь. Тюрьма никого не исправляет...

– Я посажу?! Это я их должен посадить?! А может, товарищ капитан, это дело командира... отдать их в руки правосудия?

– Конечно, это в моей компетенции, – Фоменко начал злиться и заговорил в обычной своей манере, резко с надменной ноткой, – но от тебя зависит: поднимешь ты шум или нет. Если поднимешь, испортишь парням судьбу. Ты хочешь, чтобы это было на твоей совести?

– Нет, товарищ капитан, это будет на вашей совести! Они почувствуют безнаказанность, окончательно распояшутся и кроме бандитов из них ничего не выйдет!

– Ты как разговариваешь с командиром?! – не выдержал и грубо оборвал его Фоменко. – Ты что, сопляк, учить меня будешь?

– А вам, товарищ капитан, никогда не устраивали тёмную? Очень это болезненная и обидная штука...

– Кузнецов! – взорвался Фоменко, – Хватит болтать! Засунь свой язык в задницу! Предупреждаю, если поднимешь шум, тебе создадут такие условия, что сам в петлю залезешь!

– Вот с этого и надо было начинать, – горько усмехнулся

курсант. – А то... молодец, не пал духом... Не переживайте, я понятливый. Не стану я на них жаловаться, если только они никого больше трогать не будут.

– Вот это другой разговор, – сразу успокоился капитан. – Я с ними сам поговорю. Больше они бить никого не будут... Будут действовать только по уставу.

Димка тяжело вздохнул. Он хорошо знал, как "действуют" сержанты по уставу.

Курсант Кузнецов не стал заявлять на обидчиков. Однако полковник Матюшин это дело без последствий не оставил. Он провёл внутреннее расследование. В результате сержантов, участвовавших в избиении, не стали судить, но разжаловали и рядовыми отправили дослуживать срочную службу в войска. Капитану Фоменко было объявлено служебное несоответствие.

На вопрос сослуживцев, почему не написал заявление в военную прокуратуру и не отдал обидчиков под суд, Димка ответил просто: "Тюрьма никого не исправляет. А жизнь их чему-нибудь да научит!"

Прав он был или не прав, судить сложно. Во всяком случае, жизнь не стала учить теперь уже рядового Рябова. Она просто вычеркнула его из своих списков. В новой части он продолжил внедрять "дедовские" традиции. Внедрял настолько активно, что за месяц до демобилизации его застрелил в карауле не выдержавший издевательств молодой солдат. То, что Рябов пророчил Димке, сбылось в отношении

его самого. Он не дожид до "дембеля" и уехал домой в "цинке".

А в курсантской роте стало спокойнее. Курсанты осваивали воинские науки, готовились к выпуску и гадали: кого куда направят служить дальше.

После вынужденного перерыва быстро втянулся в общий ритм и Димка. Он потихоньку привыкал к армейской жизни. Реже стал тосковать по дому. Не с таким пессимизмом, как осенью, стал думать о Маринке. Письмо ей он так и не написал. Лучший друг, студент сельскохозяйственной академии Витька сообщил, что Маринка звонила и просила Димкин адрес. Димка выжидал и надеялся, что девушка напишет ему первой.

Глава 2

Так же, как армейская служба сходу взяла в оборот новобранца Дмитрия Кузнецова, закружила столичная жизнь и Марину Серову.

Её состояние в точной степени соответствовало пришедшему в наш язык из Греции слову "эйфория". Девушку не покидало приподнятое настроение, состояние беспечности и благодушия, что объективно никак не могло соответствовать миру, в котором она теперь жила.

Происходило это от недостатка опыта и знания законов этого мира, а равно и от её юношеского романтизма, который окрашивает действительность исключительно в розовый цвет. Потому за внешним великолепием, богатством и роскошью она не смогла разглядеть цинизм и жестокость мегаполиса, его полное равнодушие и презрение к людям, не обладающим богатством, властью и славой.

Молодой студентке, прожившей свою короткую жизнь во второразрядной европейской стране и отдалённой российской деревне, столица нравилась всем.

Нравился сам город с его роскошью, универсальностью и обилием объектов практически из любой сферы деятельности человека.

Нравился институт, который давал знания и возможность сделать блестящую карьеру не только в России, а и в самых

передовых и "продвинутых" станах большого человеческого мира. Она была довольна тем, что её обучают умные, опытные, повидавшие этот самый мир специалисты и преподаватели.

Ей чрезвычайно импонировало то, что рядом учатся дети российских знаменитостей. Чьих только отпрысков не собрал в своём чреве престижный МГИМО! Дети дипломатов, режиссеров, космонавтов, артистов, художников, политологов, журналистов, и даже писателей, в первую очередь, тех, кто доказал власти свою преданность и лояльность. Правда, здесь наблюдался отрицательный момент, огорчавший юную студентку. При личном знакомстве потомки знаменитостей, уловив тот факт, что Марина всего лишь дочь третьеразрядного помощника третьеразрядного посла, моментально теряли к ней интерес. У некоторых даже проглядывало откровенное пренебрежение. Но до поры до времени, девушка воспринимала это как должное. В этой среде она была человеком новым, и интерес к себе нужно было еще завоевать.

Ей нравилась их московская квартира, оформленная по всем законам европейского ремонта. У нее была своя, очень уютная комната. Уголок, в котором она чувствовала себя полноправной хозяйкой. В переднем углу стоял телевизор с большим экраном, видео приставкой и проигрывателем для дисков. Комната была обставлена удобной, подобранной по цвету мебелью. Два мягких кресла, шкаф для любимых книг. Просторная кровать и гардероб с разнообразной и модной

одеждой. По этой части шефство над дочерью взяла мать. Марине нравилось одеваться по моде, а возможность одеться красиво в столице была действительно прекрасной.

Конечно же, особый восторг у девушки вызывал большой компьютерный стол, на котором размещался процессор со всеми приставками. Самое настоящее окно в мир. Компьютер позволял беспрепятственно путешествовать в мировой паутине под названием "Интернет".

Нравился Марине и подаренный отцом мобильный телефон "с наворотами". Таких телефонов на периферии в то время было еще мало. У студентов МГИМО "навороченный мобильник" был непременным атрибутом. На любого молодого человека, одевавшегося не по моде и не имевшего "мобильника", здесь смотрели, как на папуаса, вырядившегося в свои национальные одежды.

Надо отдать должное, Марине понравилась не только внешняя форма новой жизни, но и ее содержание. Девушка с удовольствием ходила на лекции и старательно изучала все, что предписывала программа. И происходило это не только потому, что самолюбие не позволяло ей быть хуже других, а юношеский максимализм подталкивал к лидерству. Ей и в самом деле пришлось по душе эта новая для нее область человеческой деятельности. У нее зародилась мечта сделать оглушительную карьеру. Таковую, чтобы о ней узнала не только страна, но и весь мир. А для этого, в чем она была твердо убеждена, нужно стать специалистом высокого клас-

са. И потому, настроившись бежать длинную дистанцию, она с первых же метров рванула так, как бегут на стометровке. А жизнь насыщенная интенсивной работой, как известно, почти не оставляет времени для жизни личной.

Только по вечерам, перед сном, вспоминала она годы, проведенные в селе Большая Гора, и думала о Димке. По тому, как замирало сердце и в душе появлялась тоскливая нотка, можно было предположить: она влюбилась в этого парня. Влюбилась не мимолетно, а всерьез и надолго. Но, даже добыв адрес его воинской части, Марина предпринимать ничего не стала. Она была категорично убеждена: именно парень должен проявлять характер и идти на сближение первым. А он на сближение не шел, и ее все чаще посещала мысль, что так даже лучше. Не стоит торопить события и увязать в личной жизни, пока ни она сама, ни ее избранник "не вышли в люди". Прежде нужно выучиться, получить работу и только потом думать о собственном гнездышке.

Рассуждения Марины были верными, если исходить из постулатов мирной жизни. Но для войны такие логические заключения совершенно не годятся. Во время войны дорога каждая минута. Человек осуществить свои личные планы может попросту не успеть.

А о том, что против России развязана война на уничтожение, девушка пока не догадывалась. Потому как велась эта война иными, отличными от предыдущих войн способами. Захватчики на этот раз не "завоевывали" мир силой, а "пе-

рестраивали" его под себя. Под свои ценности, свою идеологию, свою культуру.

Европа, как бывало не раз, сдалась очередному завоевателю без единого выстрела. И только "самая непокорная страна" – Россия, даже после распада СССР и "внедрения" в нее "идей западной демократии", все еще трепыхалась и пыталась отстоять свой путь. К ней, как к любой непокорной стране, применялся комбинированный метод. Суть которого была проста – разложить и уничтожить непокорных и "перевести" на свои ценности лояльных.

О том, что против России ведется тотальная война на уничтожение, в то время догадывались только самые умные, дальновидные и прозорливые люди. Они делали попытки образумить сограждан. Но страна находилась в состоянии эйфории от изобилия западных товаров, массового нашествия западной идеологии и культуры, и слушать доморощенных пророков никто не желал.

*

Полгода пролетело как один день, и вот уже новое место службы. Курсант Кузнецов закончил учебку "на отлично" и получил сразу воинское звание "сержант". Его направили служить в инженерную бригаду, дислоцированную на Северном Кавказе. Сюда же попали еще с десятков ребят из их роты и среди них младший сержант Кашин. Димка и Толик были определены в саперный батальон и, конечно же, радовались тому, что им предстоит служить в одной части.

Правда, радовались не долго, ибо, в отличие от учебки, их новая часть постоянно выполняла какие-нибудь практические задачи. А это означало одно: ее личный состав не вылезал из командировок.

Потому уже через несколько дней Толик уехал в составе миротворческой роты в Абхазию. А Димку с его прекрасной характеристикой определили в состав подвижной группы разминирования.

Работы у саперов хватало. Им приходилось уничтожать взрывоопасные предметы времен Великой Отечественной войны, очищать от неразорвавшихся боеприпасов полигоны, ликвидировать найденные милицией и гражданским населением "подарки" последней "чеченской" войны, разминировать установленные боевиками-террористами мины, фугасы, уничтожать бандитские схроны и тайники, сопровождать воинские колонны и проверять подозрительные участки на дорогах, мостах и путепроводах. Иначе говоря, саперы и в мирное время делали то, чем иные войска занимаются только во время боевых действий..

Привлекали их и на ликвидацию последствий террористических актов. Это была опасная и неблагодарная работа. Опасная, потому как в любой момент можно было подорваться на оставленной боевиками "растяжке" или заряде, подготовленном для дистанционного подрыва. Неблагодарная, потому что войсковые саперы выполняли самую черную и тяжелую работу, а "лавры" доставались граждан-

скому министерству. На таких объектах, как правило, вело съемку телевидение, и на ребят надевали жилеты с надписью "МЧС". У самого министерства своих сил и средств пока не хватало, и пиар, с помощью которого правили страной "либералы", проявлялся даже в этом. Телевизионщики и журналисты по-прежнему говорили об армии "или ничего или плохо", потому афишировать армейских трудяг было не принято, и делать из них героев никто не собирался.

Одним словом, саперы занимались своей неприметной рутинной работой. Неделю в разъездах, день-два отдыха на зимних квартирах, и на завтра все с начала. Для человека, привыкшего к ежедневному комфорту, уже в самой такой кочевой жизни заложены те самые "тяготы и лишения воинской службы", о которых гласит устав.

Тем не менее, сержанту Кузнецову такая служба даже нравилась. В ней не было убивающего душу однообразия, на которое были обречены парни, что оставались в пункте дислокации для несения наряда по системе "через день на ремень". Кстати сказать, Димка терпеть не мог нести службу в карауле, а уж тем более на КПП или в солдатской столовой.

*

В наше нечестное время у людей, сохранивших совесть, всегда находится куча врагов. Наученный горьким опытом на новом месте Димка "не высывался", не демонстрировал свою независимость и все же приобрел непримиримого недруга. Да еще какого! Против сержанта, ни много, ни ма-

ло, ополчился заместитель командира части по воспитательной работе.

Обыватель "гражданской наружности" во все времена пытался обобщить человека в погонах и приклеить ему ярлычок. Диапазон характеристик и ярлычков, приклеиваемых офицерам, чрезвычайно широк: от "самого главного носителя чести" до "безмозглого болвана", умеющего только слепо выполнять приказы. На самом деле люди в погонах, так же как и другие категории граждан, разные. Среди них есть Офицеры, для которых честь, достоинство и совесть превыше всего. Есть и их противоположности, люди, напялившие на себя форму и погоны из корысти либо по недоразумению. Много и таких, что болтаются между этими крайностями. То самое "ни рыба ни мясо", описывать которое словами нет никакого желания.

К какому " сорту" относился майор Степаненко, пусть читатель определит сам. Несомненным в его характеристике прослеживалось одно: он принадлежал к довольно многочисленной породе людей-лакеев, для которых главный смысл жизни – служение своим хозяевам. При этом им не важно, каков этот хозяин, плохой или хороший, честный или мерзавец... Важно, что он хозяин, и этим сказано все.

Потому применять к майору Степаненко высокие слова о том, что он служил своему Народу и Отечеству, будет не совсем корректно. Он просто служил тем, кто сидел наверху. Наверху в данный конкретный момент была верховная

"демократическая" власть во главе с президентом-пьяницей. Чуть ниже – Министр обороны с генералитетом – одна из силовых опор верховной "демократической" власти. Еще ниже – Командующий округом со своим аппаратом. Последним звеном в цепочке "вышестоящих" был командир части. Правда, к нему майор относился уже не как к хозяину, а как к такому же, как он сам, лакею, только рангом чуть повыше.

Вот этим структурам и служил Степаненко. Его не пугала смена хозяев в высших структурах, потому как в силу своего характера он с молодости понял главный принцип лакейской службы: всегда оставаться лояльным к "вышестоящему", даже если тот какает тебе на голову.

С подобным характером данного "офицера" можно было бы и смириться. Мало ли в России в чиновничьей вертикали холуев. Но беда заключалась в другом. Степаненко жестко требовал подобной же "лояльности" от своих подчиненных, то есть всех, кто располагался на служебной лестнице ниже его. Он со всем своим усердием стремился искоренять любое свободомыслие, инакомыслие и много-много еще чего другого, что, в общем-то и отличает человека от робота. И в этом своем "искоренении" он не гнушался ни какими, даже самыми пакостными и мерзкими, методами и не придерживался самых минимальных моральных норм и правил. С целью проверки лояльности и выявления инакомыслия он любил покопаться не только в душах подчиненных, но и в их личных вещах.

Самым излюбленным занятием у него была проверка содержимого тумбочек, чемоданов и вещмешков солдат и сержантов. При проведении данного "мероприятия" его всегда подогревало желание найти что-нибудь запрещенное. Например, спиртное, порнографию, гашиш или, если повезет, антиправительственную пропаганду. Много интересного о подчиненных можно было узнать и из адресованных им писем.

Если Степаненко что-то "находил", он использовал это с максимальной пользой для себя. Все вышестоящие инстанции немедленно оповещались о том, что командир подразделения, в котором "обнаружен факт", "не узнал", "не выявил", "не предотвратил"... И только благодаря высочайшей бдительности майора Степаненко в части предотвращено очередное ЧП.

Во время очередной проверки личных вещей майору Степаненко крупно повезло. Равно как абсолютно не повезло сержанту Дмитрию Кузнецову. Заместитель командира части "нашел" толстую тетрадь, исписанную "политически-ми стихами экстремистского содержания". А из Димкиной тумбочки исчез сборник его любимых "рифмушек".

По приезду из очередной командировки сержант был немедленно вызван к майору Степаненко.

*

Димка догадывался, зачем его вызвал "главный воспитатель" части. Молва о методах работы майора давно перешаг-

нула пределы и батальона, и бригады. Он ожидал, что Степаненко сразу перейдет на крик, но разговор начался в спокойном тоне. Майор выложил тетрадь с "рифмушками" на стол и спросил:

– Кузнецов, это твоя тетрадь?

– Так точно, товарищ майор, моя. А как она у вас оказалась?

Степаненко проигнорировал вопрос и задал свой.

– Ты что же пытаешься писать стихи?

– Да нет..., это не стихи. Я их называю "рифмушки". Сочиняю, чтобы мозги раньше времени не засохли.

– Чтобы мозги не засохли, нужно учить уставы и материальную часть. А то, чем занимаешься ты, называется графоманство!..

– Графомания...

– Что?!

– Правильно нужно говорить "графомания".

– Ты что считаешь себя грамотным, а меня дураком?

– Нет, что вы... У вас высшее образование, а у меня только одиннадцать классов.

– Ну, раз ты это понимаешь, дам тебе совет: брось это бумагомарание, пока не поздно. Иначе наживешь себе и всем нам кучу неприятностей.

– А почему? У нас же демократия. Тем более пишу я для себя. Нигде свои "рифмушки" не публикую. На концертах с ними не выступаю.

– Демократия – это для тех, кто на гражданке. В армии никакой демократии быть не может! А твои стишки не просто плохи, они вредны, потому как ты пытаешься заниматься политиканством!

– Чем?

– Не строй из себя дурачка. Ты суешь нос в политику, хотя понятия о ней не имеешь. А армия должна быть вне политики.

– Товарищ майор, человек живет в обществе и не может быть "вне политики"... Иначе он не человек, а животное... или даже растение.

– Что ты сказал?!

– Это не я..., это Аристотель сказал.

– Кузнецов, прекрати повторять враждебную пропаганду!

В армии существуют уставы и приказы. Всё, что ты должен, это беспрекословно их выполнять!

– Я с этим и не спорю. Но ведь я не робот. Должен же я хоть чем-то отличаться от машины?

– Работа из тебя никто и не делает. У нас есть чем заняться. Смотри телевизор, читай газеты, книги, на худой конец... А писать пародии я тебе запрещаю! У тебя нет образования, нет таланта, нет политических знаний, так что перестань переводить понапрасну бумагу.

Димка понял бессмысленность этого спора и совсем было собрался уступить майору, но последняя фраза задела его самолюбие. Он растопырил колючки и принялся копать для

майора небольшую ямку.

– Вот у вас есть образование и знания, так покажите мне, как надо писать настоящие стихи.

– Кузнецов, у меня нет к этому призвания, поэтому я стихов не пишу. Это не мое дело, и я в него не лезу.

– Тогда почему вы пытаетесь оценивать творчество других?

Степаненко с трудом, но сообразил, что попал в ловушку. На его лице промелькнула растерянность. Он попросту не знал, что ответить этому нахалу, и, чтобы скрыть свою растерянность, повысил голос.

– Мне это положено по должности! Если бы ты писал про цветочки или там любовь-морковь, я с тобой бы не беседовал. А ты пишешь экстремистские стишки, и я обязан принять меры!

Димка тоже раскипятился.

– А что в моих "рифмушках" противозаконного? Там чистая правда, и я имею право о ней писать. Это мое личное, и вы не имеете права лезть в мою личную жизнь!

– Ах, вот как?! Ты, я вижу, так ничего и не понял? И еще пытаешься права качать! А ну, пошли к командиру!

Степаненко схватил тетрадь и потянул Димку в канцелярию комбата.

*

Командир отдельного инженерно-саперного батальона Смирнов был со своим заместителем в одном звании, а по

возрасту на четыре года старше. Ему давно пришла пора ходить в подполковниках, должность позволяла, но как-то все не складывалось.

Нет, служил он хорошо. Смирнов был офицером-практиком. Командиром слыл основательным и надежным. На самые сложные задания командование всегда нацеливало его, потому как была уверенность: он выполнит любую работу.

Из-за этой добросовестной работы с личным продвижением по службе ему и не везло. И в этом не было никакого противоречия. Так уж в нашей армии повелось (да и не только в армии): того, кто хорошо тянет воз, отпускать на повышение не спешат.

Командиры бригады менялись часто. На эту должность приходили для того, чтобы получить "полковника". Как только очередной комбриг это звание получал, он почти сразу уходил на более "теплое" место. Вполне естественно, командиры-временщики не горели желанием отпускать офицеров-трудяг, которые обеспечивали им благополучие.

Виноват, отчасти, был и характер комбата. Смирнов по натуре слыл человеком смелым и, если чувствовал свою правоту, мог высказать правду-матку в глаза любому начальнику. А это не нравилось начальникам во все времена, что уж говорить о времени нынешнем, когда лицемерие стало нормой жизни не только в армии, а во всей мировой пирамиде под названием "глобальный мир".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.